

*

Глеба и отвезти его в монастырь. Такой поступок вызвал резкое осуждение митрополита Кирилла, укоровшего епископа Игнатия в лицемерии. «Осудил ты мертвеца прежде суда божия, а живого постыдился, дары брал у него, ел и пил с ним вместе, только бы тебе это бог простил»²⁰. Игнатий расправился с мертвым князем по настоянию его племянника, князя Дмитрия Борисовича, овладевшего Ростовом.

Ловкий политик, Игнатий ходил в Орду для переговоров о церковных делах, тогда как митрополит Кирилл явно был не в чести у ханов Золотой Орды.

Ростовские князья дружили с Федором Ростиславичем Черным, типичным авантюристом второй половины XIII в., о котором, видимо, существовало какое-то древнее сказание, нашедшее отражение в его «Житии», основанном на не известном нам Летописце. Интересно, что и этот князь, явный татарский пособник, был канонизирован вместе со своими сыновьями в конце XV в., хотя в «святости» Федора сомневались и при его канонизации, и даже позже, как видно из скептических слов Ивана Грозного²¹.

Однако настоящие взгляды русских людей на татарское иго отражали не ростовские князья и их епископ.

После долгих лет всеобщего разброда и ужаса, когда внебросать города и села, спасаясь в лесах и дебрях, стали оживать силы сопротивления. Лучшие народные силы сплачивались в борьбе с завоевателями. В Северной Руси, как правильно отметил А. Н. Насонов, в конце XIII в. сложились две труппировки: К первой принадлежали в первую очередь Тверь и Москва, ко второй — ростовские, ярославские и костромские князья. Но московские и тверские князья отражали лишь настроения широких народных масс. Консолидация народных сил для отпора татарским завоевателям началась задолго до конца XIII в. Создание Кормчих и «Мерил праведного» следует рассматривать как один из показателей этой консолидации, как бы ни казались узкими те задачи, которые ставили перед собой их создатели.

²⁰ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 77. Перевод на современный язык.

²¹ Н. Сербинский. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915 стр. 228—234 «Обзора»; ПСРЛ, т. XXI, ч. I. Степенная книга, стр. 307—311.

По одному названию «Великий Новгород» уже чувствуется, что речь идет о выдающемся городе. На Руси было несколько городов с названием «Новгород» (Нижний Новгород, Новгород-Северский, Новый городок Литовский и др.), но ни к одному из них не применялось название «Великий». В этом наименовании выражалось почитательное отношение к Новгороду не только потому, что он был велик по числу населения, по обширности занятой территории, по богатству и обстроенности, но и по тому, какое он имел значение на Руси.

Время возникновения Новгорода точно неизвестно. Однако русская летопись в записи, относящейся к 859 г., уже упоминает о Новгороде и новгородцах, отождествляя их со словенами, населявшими территорию вокруг озера Ильмень. В Новгородской земле существовало старинное предание, что до возникновения Новгорода в стране ильменских словен стоял город Словенск, а Новый город был построен позднее. Эта легенда нашла свое отражение в известной опере композитора Верстовского «Аскольдова могила», в песне о городе Славянске, близости от которого стоял терем некоего злого боярина.

За условную дату возникновения Новгорода можно принять сообщение, записанное под 859 г. в Никоновской летописи¹, в котором говорится, что словене совместно с другими племенами изгнали варягов и «начаша сами себе владети и роды ставити». В этом известии новгородцы отождествляются со словенами («словене, рекше новгородци»). Да и древнейший летописный рассказ, сохранившийся в Новгородской первой летописи, которую А. А. Шахматов возводит к Начальному своду 1093 г., предшествовавшему «Повести временных лет», гласит, что Юрий сел княжить в «Новгороде», существовавшем, следовательно, и по легенде о призвании князей раньше прихода варягов. Правда, в Ипатьевской летописи сообщается, что Новгород был построен в 862 г. Юриком, но доверять такому сообщению невозможно. Это явно позднейшая легенда, связанная с легендой о

Призывы варягов. Таким образом, одна легенда послужила основой для другой.

Летописное известие о призвании варягов широко использовалось учеными-норманистами и до сих пор имеет распространение среди представителей реакционных кругов зарубежных ученых. Между тем данные советской исторической науки опровергают норманскую теорию возникновения Русского государства.

Норманны появились в славянских землях преимущественно с торговыми и грабительскими целями. Это находило свое подтверждение и в новых археологических открытиях. Раскопки, производимые на территории древних поселений восточных славян, говорят об относительно высокой культуре славянских племен. С трудом устанавливаются следы скандинавских корней в названиях местностей Новгородской земли, где будто бы правили варяжские князья. Названия городов и сел Новгородской и Псковской земель — славянские. Следует отметить и тот факт, что название «Новгород» также чисто русского происхождения. Это — лишнее подтверждение несостоятельности норманской теории и предания о Рюрике как основателе города. Было бы странно думать, что норманны, основывая город в чужой земле, назвали его славянским, а не скандинавским именем. Не только Новгород, но и еще примерно 200 древнейших русских городов имеют славянские названия². И этот поразительный факт упорно замалчивается некоторыми приверженцами устарелых взглядов о начале государства на Руси.

Тема о варяжской легенде — особая тема, но нельзя не отметить ту крайне слабую историко-ведическую базу, на которой основаны доказательства достоверности этой легенды.

В наиболее древнем виде рассказ о призвании варягов сохранился в Новгородской первой летописи, в которой упоминаются новгородские люди («рекомые словени»), кривичи и меря. В дальнейшем изложении к этим племенам прибавляется чудь. По летописи, каждое из этих племен жило родом своим («кождо своим родом владыаше»). В этих словах проводится параллель с тем, что было сказано в той же летописи раньше, в повествовании о начале Русской земли («живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеючи кождо родом своим»).

По легенде, словене, кривичи, меря и чудь вначале давали дань варягам, но позже восстали и стали враждовать между собой. Легенда сообщает, что после этого же племена сами обратились к варягам с призывом прислать к ним князей. На призыв откликнулись три брата «с роды своими». Старейший — Рюрик сел в Новгороде, Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. В Новгородской первой летописи нет упоминания о том, что варяги прозывались «Русью», хотя и говорится, что

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, изд. 2-е. М., 1956, стр. 12—43.

«от тех варяг, находник тех, прозвашася Русь и от тех словес Руская земля», без дальнейших объяснений³.

Последние слова о Руси, не объясненные летописцем, вызвали своеобразные комментарии уже в древнее время для объяснения того, кем же была эта «Русь», так как эти слова стояли в явном противоречии со сказанием о начале Русской земли, которое связывало это начало с Кием, Щеком и Хоривом, но не с варягами. Поэтому уже в «Повесть временных лет» введен был комментарий к слову «варяги»: «Идоша за море к варягам к Руси; сице бо ся зваху ти Варязи Русь, яко се друзии зовутца Свее, друзии же Урмане, Англиане, друзии Готы, тако и си». В переводе на современный язык это означает: «Пошли за море к варягам к Руси; ведь те варяги также назывались Русью, как другие зовутся шведами, другие норвежцами, англичанами, другие готами, так и эти».

Вставной характер этой фразы признают А. А. Шахматов и наиболее крупные ученые, изучающие летопись. Новейшее высказывание принадлежит А. Н. Насонову, который отмечает, что эта «вставка, судя по ее смыслу, была вызвана прежде всего желанием включить в число потомков Афега варяжские народы»⁴.

Введение подобного комментария в «Повесть временных лет» объясняется тем, что источники «Повести», видимо, давали различные сведения о том, какие племена обратились к варягам, причисляя к этим племенам и Русь, несмотря на то, что, по «Повести временных лет», призванные варяги якобы сами назывались Русью. В самом деле, всюду печатаемые и упорно повторяемые слова, обращенные к варяжским князьям — «реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи: вся земля наша» и пр., — являются ученой фикцией, вызванной навязчивой идеей о реальности факта призвания варягов. В действительности в древнейших списках летописи, Лаврентьевском и Ипатьевском, сама Русь упоминается вместе с чудью, словенами и кривичами в числе племен, пригласивших варягов, и текст читается таким образом: «реша Русь, Чудь, Словени и Кривичи: наша земля» и пр. То есть варягам «сказали Русь, Чудь, Словени и Кривичи». Тот же текст найдем и в древнейшем датированном списке летописи — Кратком летописце патриарха Никифора с русскими статьями, помещенном в Новгородской Кормчей 1280 г.

В дальнейшем Новгородская первая летопись и «Повесть временных лет» как бы забывают о Рюрике, и причисление Игоря к династии Рюрика оказывается неоправданным. Этим объясняется и несообразная хронология Новгородской летописи и «Повести временных лет», согласно которой рождение Игоря

³ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 106.
⁴ А. Н. Насонов. Начальные этапы Киевского летописания. — «Проблемы историко-денной», т. VII. М., 1959, стр. 451.

отнесено к 865 г. В силу этой хронологии Игорю в год его смерти (945 г.) исполнилось 80 лет, сын же его Святослав был еще ребенком («детск сы»). По той же хронологии Ольга, вышедшая замуж за Игоря в 903 г., рождает сына Святослава в 942 г. Защитники легенды о призвании князей никак не хотят обратить внимание на такую странную хронологию, которая скорее напоминает библейский рассказ о бездетной Сарре, чем русскую действительность X в. Выходит, что Ольга родила единственного сына лет 60 от роду.

Таким образом, варяжская легенда не опровергает того, что Новгород возник до 862 г., к которому летопись относит призвание варягов. У нас есть основание сказать, что Новгород с самого начала был русским городом, носил русское название и был центром Словенской, позже Новгородской, земли.

Для того чтобы понять особое значение Новгорода в культуре средневекового мира, необходимо хотя бы в кратких словах сказать о том, какое место он занимает в мировой истории.

Новгород был не только богатым торговым городом, но и центром обширного феодального государства. В этом, может быть, и надо видеть объяснение долговечности Новгородской республики. По обширности своих владений Новгородская республика не имела себе равных во всем мире. Она простиралась от Финского залива до Уральских гор. Непосредственно к Новгороду примыкала также обширная территория, вероятно, уже в XV в. разделенная на пятины. Но центром всех новгородских владений всегда оставался Новгород. И когда столица республики подчинилась московскому великому князю, это означало и подчинение ему всех новгородских владений. Нет и намека на то, чтобы в какой-либо из новгородских областей оказано было сопротивление московскому господству.

Солоставление Великого Новгорода с «вольными городами» Западной Европы, в частности с крупнейшими ганзейскими городами, дает неправильное представление о «Господстве Великом Новгороде», как подчеркнута именовали новгородцы свое государство. И Любек и Бремен даже в периоды своего расцвета обладали лишь незначительной прилегающей к ним территорией и никак не могут сравниваться с Новгородской землей (даже без обширного Заволочья). Большими владениями обладали Венеция и Генуя, но подчиненные им территории были разбросаны в разных частях Средиземноморья и сообщались с метрополией морским путем. «Господин Великий Новгород» господствовал над гораздо более обширными пространствами всей Северной России, занимая в этом отношении исключительное, выдающееся место в средневековом мире, не имея себе равных.

Здесь не место останавливаться на государственном строе Новгорода, но нельзя не отметить некоторых замечательных его особенностей. Новгородцев обычно рисуют в виде вечевой воль-

ницы: Новгород — это «город воли дикой, город буйных сил». Но город «воли дикой» просуществовал как центр особого государства по крайней мере 500 лет, с конца X в. по конец XV в. Конечно, было бы неправильным называть новгородское устройство «народоправством», как это в свое время сделал Н. И. Костомаров, но столь же неверно полностью игнорировать то особое положение, которое занимали в Новгороде ремесленники и призывавшие к ним низы городского населения, «черные люди» в целом. Историки, готовые видеть вместо классовой борьбы одну лишь только «централизацию» власти как всеобъемлющий процесс русской истории XIV—XV вв., не замечают того, что вечевые традиции Новгорода опирались на «черных людей». «Мужи новгородцы», свободные люди, составляли основу новгородского ополчения. Это было «бюргерство» русского средневекового города, а тому, какое большое значение имело бюргерство в средневековых городах Европы, посвящены замечательные страницы в трудах Ф. Энгельса.

Сказанное выше не мешает нам видеть в новгородском устройстве типичные черты средневековой аристократической республики с преобладанием власти бояр-землеладельцев и верхи кутчества совместно с церковными феодалами. Аналогии с другими такими городами, как Новгород, мы находим в Италии. Наиболее близкой к порядкам в Новгороде была Флоренция, хотя и здесь имелись большие отличия. Более близкие аналогии дадут славянские города (Котор и др.) на побережье Адриатического моря, в которых собиралось великое и малое «вече»⁵.

Насколько строй «Господина Великого Новгорода» был устойчив, видно из того, что за всю свою историю он не знал попыток создания в нем тиранического режима, восторжествовавшего в ряде итальянских городов.

Прочность и длительность новгородских традиций обеспечили Новгороду сохранение его культурных богатств и их длительное накопление.

Новгороду принадлежит и великая роль в деле отстаивания независимости русского народа. Обычная версия спасения Новгорода и Пскова от татарских погромов путем ссылки на восточную распутицу, помешавшую будто бы Батыевым полчищам опустошить Новгородскую землю, является малодостоверной. Кто же помешал бы Батюю дожидаться сухого лета или холодной зимы, сковывавшей новгородские болота и реки? Ведь Батый и его военачальники не принадлежали к скороспелым полководцам и, как показывают другие примеры, умели ждать. Целый год прошел между завоеванием Великих Болгар и татарским нашествием на Рязанскую землю, а непроходимых лесов и болот

⁵ И. Сидик. Коммунализ урешенье Котора. Београд, 1950.